

От всей души поздравляю со славным юбилеем дорогую Татьяну Михайловну, выдающегося учёного и замечательную женщину. Татьяна Михайловна принадлежит к числу немногих наших лингвистов, всерьёз обращавшихся к проблеме происхождения языка. Поэтому посылаю этот текст.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА

Проблема происхождения языка принадлежит к числу лингвистических проблем, которые интересуют и далёких от науки людей, традиционно она занимает большое место в «народной» лингвистике. Сходные идеи можно найти в развивавшихся независимо друг от друга лингвистических традициях, например, в европейской и японской. Там и там рассуждали о происхождении языка от звукоподражаний, произвольных выкриков и пр. Видимо, круг возможных догадок здесь исходно ограничен.

Если говорить только о европейской науке, то можно видеть периоды интереса к происхождению языка, построения разнообразных гипотез, и периоды, когда проблема не рассматривалась и часто объявлялась ненаучной. Все наиболее известные гипотезы о происхождении языка появились ещё в античности, но после установления господства христианства были вытеснены библейскими представлениями. Снова к ним обратились в XVIII в., когда европейские народы освобождались от религиозного сознания. Именно XVIII в. был периодом максимального интереса к происхождению языка. Эта проблема занимала одно из центральных мест в философии языка, что было тесно связано со становлением в науке этого времени ранее отсутствовавшей идеи историзма. В XIX в. происхождение языка по-прежнему было популярным, а в ранний период сравнительно-исторического языкознания получило новый импульс. Однако во второй половине века после установления господства позитивизма от его рассмотрения отказались из-за отсутствия фактических данных, и проблема находилась вне внимания лингвистов в течение более столетия. Исключение составляла советская наука 1920-1940-х гг.: играли роль общественный климат послереволюционной эпохи, способствовавший массовому интересу к нерешённым глобальным проблемам, и

авторитет Н.Я. Марра, постоянно обращавшегося к происхождению языка. После 1950 г. и в СССР происхождением языка перестали всерьёз заниматься. Однако в последние десятилетия во многих странах (на Западе больше, чем в России) наметилось возрождение интереса к данной проблеме, которой занимаются не только лингвисты, но и биологи, антропологи и др.

Поскольку прямое наблюдение формирования языка невозможно, то теоретически возможны (кроме умозрительных построений и прозрений, которых было, пожалуй, больше всего) четыре пути движения к данному моменту в истории человечества. Это ретроспективный путь от известных человеческих языков, проспективный путь от «языков» предков человека, исследование доступных нам реликтов того момента и те или иные аналогии со сходными процессами. Точнее, проспективный путь в чистом виде невозможен, поскольку непосредственные предки человека недоступны наблюдению, а изучение человекообразных обезьян – скорее разновидность аналогии. Однако эта аналогия в отличие от других (детская речь, пиджины) претендует на моделирование реального процесса. В разные эпохи на первый план выходили разные пути.

Ретроспективный путь казался заманчивым первым компаративистам XIX в., однако, как указывал А. Мейе, он был оставлен между 1875 и 1880 гг., поскольку компаративная методика способна реконструировать лишь языки современного типа; в наше время этот путь наименее популярен. Н.Я. Марр пытался к нему вернуться, считая, что бесписьменные «народные» языки и говоры могут сохранить память о ранних стадиях «глоттогонического» процесса, утраченную в письменных памятниках, но и из этого ничего не получилось.

В наши дни более всего занимаются изучением «языка» человекообразных обезьян, особенно шимпанзе, получены довольно значительные результаты. Но даже отвлекаясь от невозможности для обезьян из-за устройства гортани усвоить звуковой язык (выход был найден в обучении их языку жестов), оказалось, что обезьяны могут проходить лишь первые этапы обучения речи, соответствующие уровню ребёнка до двух – двух с половиной лет. См. об этом в книге С.А. Бурлак «Происхождение языка»,

наиболее подробном у нас компендиуме современного состояния данной проблемы.

Исследование реликтов – это изучение останков первобытных людей и их орудий, находимых при раскопках. Здесь в последнее время получены очень значительные результаты (см. книгу С.А. Бурлак), но поскольку основная часть речевого аппарата безвозвратно утрачивается, то эти исследования дают лишь очень грубые приближения; вероятно, на их основе можно лишь сузить время предполагаемого появления языка до нескольких сотен тысяч лет. Наконец, аналогии с пиджинами, популярные в современной науке, вызывают сомнения в их применимости, поскольку пиджины, использующие материал уже существующих языков, возникают существенно в иных условиях, чем условия происхождения языка.

Таким образом, и сейчас, несмотря на значительное накопление материала в смежных областях науки, мы по-прежнему не можем сказать ничего определённого о происхождении языка. Разве что отсеиваются некоторые явно несовременные гипотезы вроде гипотезы об общественном договоре, предполагавшей, что первобытные люди были такими же, как мы, только не умели говорить. Тем не менее, новые гипотезы, обладающие той или иной степенью правдоподобности, продолжают появляться. Среди лингвистов-теоретиков интерес к происхождению языка обычно бывает свойствен тем учёным, которые обращаются к наиболее общим лингвистическим проблемам; это не только Н.Я. Марр, но и В. фон Гумбольдт, а в наше время Н. Хомский, выдвинувший гипотезу о том, что язык – результат какой-то генетической мутации. Проблема остаётся, и к ней будут обращаться, несмотря на то, что мы к ней так и не смогли пока подступиться.

Владимир Михайлович Алпатов